

Владимир Янсюкевич

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

киносценарии

Владимир Янсюкевич

Песочные часы

«Издательские решения»

Янсюкевич В.

Песочные часы / В. Янсюкевич — «Издательские решения»,

В книге представлены два киносценария, фильмы по которым пока существуют только в воображении автора. «Неприкаянный» — бизнесмен Михаил когда-то случайно убил девушку, и теперь она является ему во снах, тревожа его совесть. И он ищет способ избавиться от наваждения... «Песочные часы» — пожилой писатель приезжает в город своего детства, к брату. Прогуливаясь по набережной, он слышит знакомую с юности мелодию, которая приводит его к дому, где живёт его первая и, как оказалось, единственная любовь...

© Янсюкевич В.

© Издательские решения

Содержание

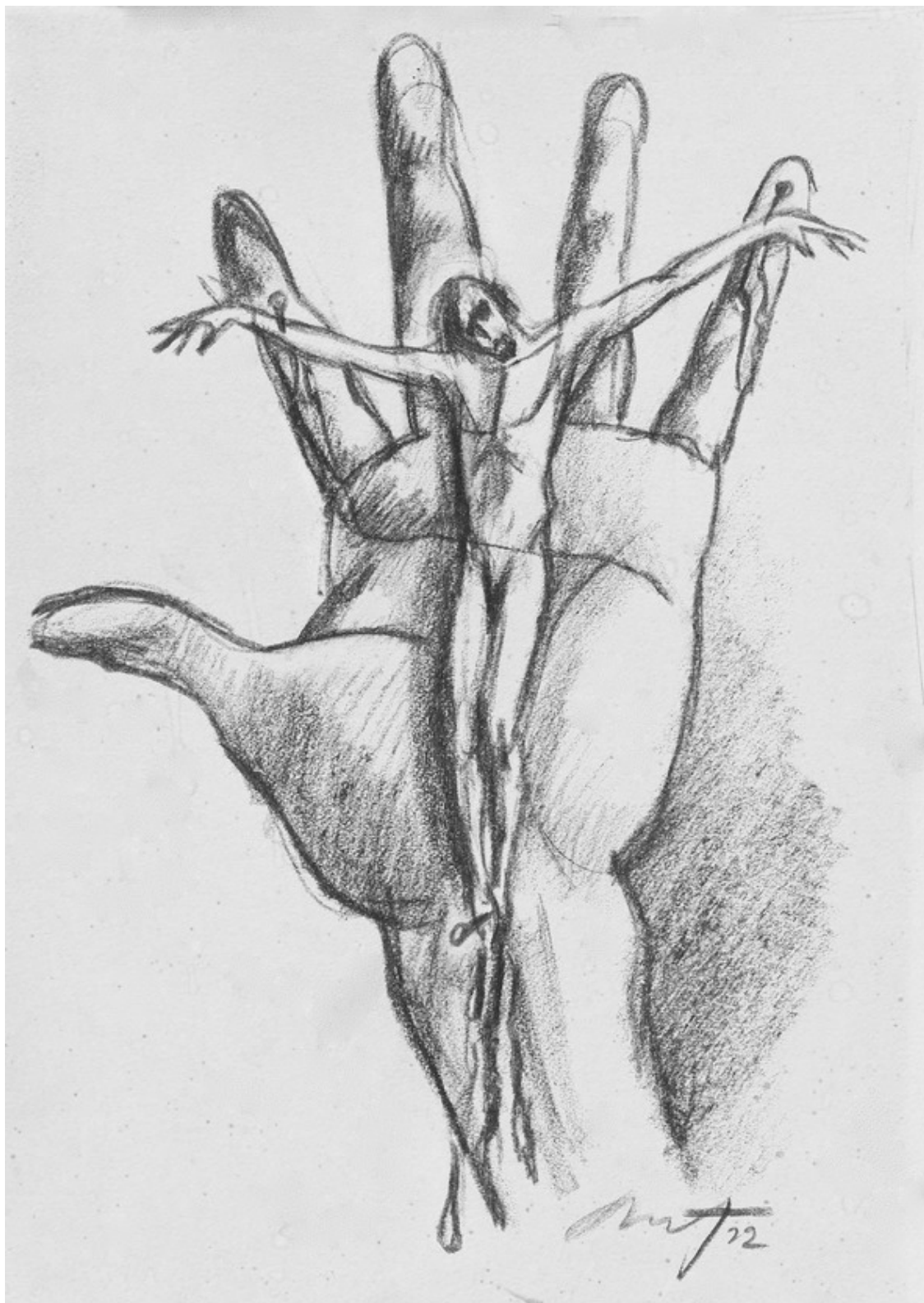
Неприкаянный	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Песочные часы
киносценарии
Владимир Янсюкевич

© Владимир Янсюкевич, 2016

© Игорь Макаров, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дружеский шарж на автора художника Игоря Макарова. 1972 г.

Неприкаянный драма

*«Возьмите иго Моё на себя...»
Евангелие от Матфея, 11.29*

Морок

Речная протока на островах в пойме большой реки. Над тёмной водой плывёт лёгкий туман...

...сверху вода зеркально спокойна, но если всмотреться, то можно увидеть, как там, в глубине, повинуясь течению, змеятся, словно волосы утопленницы, скрытые половодьем стебли осоки...

...а на поверхности отражается небо: покачиваются облака, плавают птицы, бороздят речное дно самолёты...

...и всё это двигается и звучит замедленно, как бывает во сне...

...неправдоподобно утробно квакает лягушка, также на пониженных тонах стрекочет кузнечик...

...хрустнул прибрежный сухостой, ещё, ещё, хруст усиливается, кто-то очень тяжёлый приближается к воде...

...сначала – хруст-треск, потом – чавканье с засосом, потом – хлопанье... по воде от берега пошли круги...

...вода из прозрачной постепенно делается мутно-красной...

...на отражённое в ней небо тучей наплывает край чьей-то взлохмаченной головы, волосы по бокам дыбом – будто рога...

...на мгновение голова замирает...

...затем склоняется над водой, постепенно увеличиваясь в размерах...

...вот вырисовывается бугристый заросший волосами лоб...

...заплывшие гноем глаза...

...распухший до размеров боксёрской перчатки нос с тёмными провалами ноздрей...

...ощерившийся рот с кабаньими клыками...

...вот и всё лицо, нет – рыло, перекрыв небо, отражается в воде...

...нечеловечески безобразное, страшно уродливое, рыкающее и хрюкающее...

...глаза чудовища наливаются ужасом, пасть раскрывается, выпуская из себя дикий вопль...

Пробуждение

Городская квартира. Утро. Всё залито солнцем.

Человек, проснувшись, с криком отдирает себя от привидевшегося кошмара, закрыв лицо руками...

...вскакивает, бежит в ванную, к зеркалу, медленно отнимает руки от лица, и...
...мы видим искажённое страхом лицо сорокалетнего мужчины...

Наконец, он успокаивается, лицо разглаживается, хотя дыхание остаётся учащённым...

В зеркальном отражении, за спиной мужчины, появляется встревоженное лицо жены, Альбины.

Она обнимает мужа за плечи, прижимается к его спине.

Они смотрят друг на друга через зеркало. Он – растерянно, она – с удивлением.

– Что с тобой, Миша? – спросила жена шёпотом.

Он хотел рассмеяться, но смех вырвался наружу удушливым кашлем.

– Да так... сон дурацкий...

– Что за сон? – она провела рукой по его волосам.

– Урода одного видел...

– Какого урода?

– Себя...

– Ну, какой же ты урод, – она успокаивающе погладила мужа по спине.

– Да... – его всё ещё трясло.

– И часто тебе снится подобное?

– Бывало... но раньше не так...

Она заглянула в глаза мужу.

– Тебя что-то... гнетёт?

– Не знаю...

– Если не знаешь, значит, ничего страшного. Просто переутомился... – она приникла щекой к его плечу. – Ты самый красивый мужчина на свете... самый добрый... самый внимательный... и самый желанный...

В отражающемся в зеркале дверном проёме вдруг возникла девушка, бледная, с выражением ужаса на лице и кровоподтёком у виска...

Михаил вздрогнул, в панике оттолкнул жену, рванулся к двери. В коридоре никого не было.

Альбина, вскрикнула, чуть не опрокинувшись в ванную – едва успела ухватиться за смеситель.

- Ты что?!
- Прости... – он подал жене руку. – Не проснулся ещё...
- Ми-иша...
- У нас выпить есть?
- С утра?

Пошатываясь, он вернулся к умывальнику, опёрся руками о раковину, судорожно набрал воздуха.

– Знаешь, что... – она провела ладонями по плечам мужа. – Давай-ка выберемся, наконец, на природу, а? Денька на три... Возьмём Саньку... У него всё равно каникулы... Заодно и от компьютера отдохнёт... а?

- Он не поедет.
- Поедет. Сам вчера напрашивался.
- Ну да? – уже давно ничто так приятно не удивляло Михаила.
- Да, представь! Родители, говорит, вы не хотите куда-нибудь смотаться... на пару днейков?
- А... уже? Рановато...
- И я об этом подумала. А он говорит, и я бы с вами прокатился.

Михаил тронул щетину, открыл кран, набрал в ладони воды, склонился над раковиной.

– Артём присмотрит. Будешь на связи... Хочешь, я с ним поговорю? Он всё-таки... твой компаньон.

– Нет!

Она перекрыла кран.

- И он каждый год возит жену на юг!
- Не он, она его возит. У неё сестра в Одессе.
- Неважно.
- Важно. Это ему ничего не стоит.
- Ладно... я не о себе. Нельзя так измываться над собственным организмом. Вот он и бунтует. Когда-то нужно отдыхать, трудоголик чёртов!
- Хорошо... Я подумаю... Хотя...
- Ну что ещё?
- Ладно, чёрт с ней... С работой...
- Неужели? – она саркастически улыбнулась. – Омлет приготовить?
- И кофе... нет, чай. Покрепче.
- Слушаюсь, гражданин начальник!

Альбина сорвала с вешалки полотенце и вышла из ванной.

Михаил открутил кран до предела, сунул голову под шипящую струю.

Компаньон

С утра Михаил заехал в офис фирмы при магазине.

За стеклянной витриной красовались шины всевозможных фасонов, а над ними – выставочная картинка с изображением суперавтомобиля и надписью: «Наши шины для вашей машины».

Михаил притормозил у служебного входа, на задах торгового павильона. Прошёл в офис. Артём был на месте. Поздоровались.

– Тёма, мне надо отдохнуть, – начал Михаил, приготовившись к длинному и трудному разговору.

– Надо так надо, – Артём листал ежедневник, не глядя на Михаила.

– Дня три-четыре, – продолжал Михаил, несколько удивлённый сговорчивостью компаньона.

– Нет проблем, – Артём, захлопнул еженедельник.

– Значит, я могу...

– А кто сказал, что не можешь. Мы с тобой равноправные партнёры и должны помогать друг другу. Так или не так?

– Так...

– Желаю приятного отдыха, – Артём протянул руку. – Не вижу радости на лице.

– Тём, я... – словно желая оправдаться, продолжал Михаил.

– Я понял, Миха. Тебе надо отдохнуть. Всё в порядке. Я справлюсь. Ты мне доверяешь?

– Конечно, – Михаил пожал компаньону руку.

– Тогда свободен. Привет семье.

У храма

По дороге домой Михаил увидел церковь.

Он остановился у обочины, опустил стекло и некоторое время через дорогу наблюдал за жизнью на небольшой церковной площади.

Двери храма были гостеприимно раскрыты. Но площадь была пуста. И только одна старуха в чёрном кормила голубей на паперти.

Звонили колокола, шла утренняя служба.

Михаил вышел из машины. Перешёл дорогу. Приблизился к храму. Проходя мимо старухи, остановился, рассматривая стаю голубей.

И вдруг услышал:

– Покайся, сын мой!

Михаил поднял голову и увидел скорбное лицо старой женщины, смотрящее из-под чёрного платка, как из могилы.

– Покайся! – повторила старуха и осенила мужчину крестным знамением.

Михаил смутился, хотел что-то сказать, но не нашёл что и направился к распахнутым дверям храма.

На улице светило яркое солнце, и внутренность храма по контрасту показалась ему тёмной и таинственной. Из темноты обозначились горящие светильники, и пахло необычной теплотой. Тут же он услышал пение, пел женский хор.

Какое-то время Михаил стоял неподвижно, слушал и вдыхал, и уже хотел переступить порог храма, но не решился. Развернулся и пошёл прочь.

Старуха в чёрном перекрестила его вслед.

Михаил, словно почувствовал это – остановился, вернулся, достал кошелек, сунул старухе первую попавшуюся в руки купюру и направился через площадь на другую сторону улицы, услышав за собой:

– Да хранит тебя Господь, сын мой!

На реке

Залив большой реки. Летнее утро.

На высоком берегу село. А на склоне, ближе к воде – утопающие в зелени дачи. С бугра спускается к реке широкий накатанный просёлок – дорога к причалу.

В конце дороги, у самой воды, стоят несколько иномарок.

Тут же, на возвышении, огромный навигационный щит с красной полосой.

Относительную тишину разрезает протяжный женский крик: «Витькааа!»

С берега видно, как в прогале между островами снуют по реке туда-сюда моторки, и в воздухе висит многоголосый моторный зуд.

По берегу, поодаль, в одну сторону от мостков – будка водокачки с хоботом заборной трубы. В другую – плавучий причал для небольших судов.

Вдоль берега, на привязи, лодки, лодки. Между ними – уходящие в воду, длинные мостки на сваях.

На конце мостков, свесив ноги и покачиваясь маятником вперёд-назад, сидит мужичок лет пятидесяти. На нём старый армейский китель без погон, застёгнутый на все пуговицы, у горла виднеется уголок тельняшки. Сидит прямо, лицо без выражения, словно окаменевшее, шрам через весь лоб наискосок, на щеках щетина, губы плотно сжаты, глаза прозрачные, словно выцветшие, и неподвижные...

К берегу подплывает смолёная лодка-гулянка.

На носу восседает большой пегий пёс.

Хозяин, Харитон, старик с всклокоченной седой головой, загодя глушит мотор.

Лодка с хрустом врезается в гальку.

Пёс первым покидает посудину.

Харитон, в телогрейке нараспашку, в резиновых сапогах, вылезает на берег, подтаскивает лодку, выбрасывает якорь.

Валерия

На берег выкатывается с криком дебелия молодая баба – «Витькааа!». Подбегает к старику.

- Ой! Бежала, бежала...
- Я уж думал – кавалерия, а то Валерия! За кем гоняйся? Уж не за мужиком ли?
- Что вы такое говорите, дядя Харитон! Ой, аж задохлась вся...

Пёс бросился к бабе с лаем, поздороваться.

- Ничего, тебе на пользу. Растрясёшь излишек-то...
- Вы знаете, говорят: хорошего человека должно быть много! – Баба не без кокетства хлопнула себя по ляжкам, игравшим под колоколом свободного сарафана, потрепала по загривку собаку. – Это у меня от переживаний такая комплекция! Доктор сказал!
- А я думал, покушать горазда...

Валерия звонко рассмеялась.

- Вот вы всегда так, дядя Харитон! Витьку моего не видали?

Старик не спеша натягивает и стопорит якорную цепь, поглядывая в сторону мужичка на мостках.

- Мне только и делов, что твой Витька... Я с реки вон...
- Вот чертёнок! – тело Валерии заколыхалось в смятении. – Сказала ведь, в город поедем! Нет, ускакал куда-то, паршивец!
- Все из городу, а она – в город...
- Да я бы ни в жисть! Сестре обещалась! Юбилей у них с мужем... Не приеду, обид не оберёшься... Ой! На автобус ведь опоздаем... а потом кукуй до обеда...

Валерия взглянула на часы и, сорвавшись с места, взвыла сиреной. – Витькаааа!

- У дачников на том конце поспрошай, – Харитон показал за водокачку. – Давеча тут по сорокам из рогатки шмалял... с ихним мальцом.
- Ой, спасибочки, дядя Харитон!

Несмотря на излишнюю тяжесть переживаний, Валерия ракетой унеслась в указанном направлении.

Бориска

Харитон по привычке потрепал непокорные седые лохмы и поковылял к мосткам, к качающемуся мужичку в кителе.

- Сидишь, Бориска? Мостки полируешь?

Бориска безответно покачивается, держа руки на коленях.

Харитон пристроился сбоку.

Пёс прибежал следом. Обнюхав Бориску, сел рядом с хозяином.

– Я уж думал, рыбу удишь, а ты так... Прохлаждайся? Ничего... Дай-то Бог...

Бориска молчит, только покачивается.

– А я вот на сети ревизию наводил... Хоть бы одна подлюка зацепилась...

Бориска молчит.

– У нас раньше и линь в вентерю забредал... Помнишь? Гладкий, золотистый... И лещ, и окунь...

Бориска молчит.

– А теперя и сорога нос воротит... Отдыхающие, должно, распужали...

Старик взглянул на небо.

– Или к непогоде... Ты у нас спец по этой части... маракуешь маленько... Просвети, дождю быть? Уж больно парит...

Бориска молчит.

– Вечеру в протоке застолблю... Там тишей... Хошь, вместе сплаваем?

Бориска молчит.

Затархтел движок водокачки.

– Воду зачали качать... Качают, качают... А она не убывает. Вот ведь, как природа устроила...

Какое-то время оба молчат.

По главному фарватеру идёт теплоход пригородного сообщения. Харитон смотрит на него из-под руки.

– До Усовки почапал... Через час обратно...

Бабка Анна

С другого конца села на берег вырывает бабка Анна, супружница Харитона. В руках у неё тяжёлая сумка.

Поравнявшись с мостками, старая женщина замедлила шаг, встала, переменяла руку на сумке, утёрла краем платка пот под глазами, у рта.

– Вот он, поглядите на него! На мостках вялится... Ну что, Харитон?

Пёс стремительно кинулся к хозяйке и, крутя хвостом, принялся обнюхивать сумку.

– Пшёл, Полкан! То не для тебя.

– А... пустой нынче, – отозвался старик нехотя.

– Кто б сомневался... Хорошо, бабка подсустилась...

– С базару, что ль?

– Ты что, дед! С какого такого базару! Вчерась наказала Маруське мяса на рынке прикупить... Вот привязла, дай Бог ей здоровья! Тащу...

С каждой фразой бабка Анна набирала категорические обороты.

– Порядочный мужик подмогнул бы... А он расселся! Одна я должна, что ли корячиться!

– Погодь, Анюта...

– Чево годить-то! У меня спина, чай, не казённая. Да и руки отымаются.

– Вот ведь баба... Не видишь, с человеком беседоваю!

Пёс залаял на бабку.

– Цыц, Полкан! – приструнила пса бабка Анна. – Защитник нашёлся...

Пёс прижался мордой к земле, завилял хвостом.

– Ну, сиди, сиди... Беседовай... Высиживай геморрой... А бабка... она кобыла двузильная, пущай тянет! Авось надорвётся...

– Сумку-то положи, сам снесу.

Бабка Анна в сердцах бросила сумку на землю, приказала псу «сидеть!» и отправилась далее налегке, размахивая руками и рассуждая сама с собой.

Вдруг встала, развернулась, раскрыла рот на всю ивановскую:

– Дак мне зараз надоть! Борщ затевать буду. Пельмешек налеплю... А он барином расселся! А там мясо! Стухнет ведь!

Харитон съёжился, закрыв глаза и не произнося ни звука, энергично отмахнулся.

Полкан вернулся к хозяину, стал тыкать носом под дых. Старик оттолкнул пса.

– Отстань! И ты туда же!

На полдороге бабка опять явила свою непримиримость, чтобы пристыдить мужа бесповоротно и тем самым поторопить его.

– Внучата ввечеру пожалуют... Шурка звонил... А он беседоваит! Беседовальщик!

– Вот ведь... едрёна канитель! – старик вскочил, топнул ногой по мосткам.

- Кормить надоть! – не унималась бабка Анна. – А он сидит, воду бельмами щупаит!
- Сгинь! Сказал, снесу, значит, снесу.

Бабка Анна умолкла, тяжело, вразвалку, одолела горку и скрылась за поворотом.

– Видал, как моя целит? Как ни шмыгай, не увернёшься. Всюду достанет. Килер домашнего быту. Глаз – алмаз, слово – пуля. И как я с ней сорок лет прожил... Загадка психического вещества!

Дикари

На горке показалась иномарка.

У навигационного щита с красной полосой, остановилась. Клацнула дверца водителя, из машины вышел Михаил. Он потянулся, посмотрел в небо, сощурился.

Затем спустился к воде, сел на корточки, ополоснул руки. Прошёл вдоль лодок, выискивая кого-то. Потом в обратную сторону, у мостков задержался.

Пёс бросился на берег, к сумке с мясом, принял оборонительную позицию, пролаял разок для острастки.

- Здравствуйте! Отдыхаете?

Харитон, повернув голову, ответил незнакомцу не сразу.

- Отдыхать – не подыхать. Дачники?
- Да нет, дикари. Нам бы на острова, отец. Подбросите?
- На острова-а? – старик потрепал седую шевелюру.
- Я заплачу.
- А куда ты денешься... А, Бориска? – сказал Харитон тихо, ткнув Бориску в плечо тыльной стороной ладони, и уже громко приезжому: – Сколько вас?
- Трое. Ещё жена и сын. Ну и вещички.
- Ты энто... На зорьке будь готов... – старик придавил Бориске плечо жилистой рукой. – Один не справлюся, поимей в виду... А у меня калым намечается...

Харитон поспешил на берег.

- Обождать могёшь? Сумку вот снесу... Супружница требует. Аль сильно поспешаете?
- Да мы дня на три, на четыре. Подождём, – ответил Михаил.
- Ну, тогда... – Харитон поднял тяжёлую сумку, крикнул. – Эк, отоварилась!
- Помочь?
- Без надобности. Разгружайтесь пока. Я мигом.

Старик быстро захромал в горку. Пёс потрусил следом, держа морду у самой сумки. Михаил направился к машине.

- Порядок. Вытряхивайтесь, господа! Аля! Санёк! Перевозчик скоро будет.

Из машины вышла Альбина в тёмных очках и сын, Санёк. Михаил открыл багажник.

Альбина скрестила руки на груди, произнесла с растяжкой:

– А вот интересно... почему ты именно сюда привёз?

Михаил пожал плечами.

– Да не знаю... Само собой получилось...

– В такую даль...

– Аля, тебе не угодишь. Сама же хотела на природу. Вот тебе природа. Река. Вон острова...

– И чем они особенные, эти острова? Разве ближе не было?

– Ближе – народ, суета. А здесь тихо. Отдохнём, как белые люди.

Михаил вытащил из багажника палатку, удочки, рюкзаки.

– Санёк! А где Санёк?

Санёк, ему лет пятнадцать, в это время забрался на одну из опор навигационной мачты и с высоты взирал на реку.

– Я здесь, люди! – Санёк помахал с верхотуры.

– Смотри, шею не сверни, монтажник-высотник!

Альбина увидела сына на мачте, ахнула.

– Саня! Сейчас же спускайся! Я боюсь!

– Мам, всё под контролем.

Альбина расположилась на траве у машины, сняла очки, подставив солнцу лицо, замерла. Михаил захлопнул багажник и в ожидании перевозчика приземлился рядом с женой.

Где-то рядом громко солировала сорока, ей подпевал воробьиный хор.

А Бориска всё сидел, одиноко покачиваясь на мостках, словно творил молитву.

Вдруг он сильно наклонился вперёд и колодой упал в воду, лицом вниз. Река тихо проглотила человека, пустила несколько кругов, как облизнулась, и снова мелкой рябью засверкала на солнце.

Старик возвратился один, без собаки, повеселевший, видимо, тайком от жены хрюнул чуток.

– А вот и я.

– Здравствуйте! – Альбина поднялась с земли.

– И вам не хворать.

– А у вас какая лодка?

– Хорошая лодка. Ну, поплыли?

Старик шустро, вприпрыжку, поковылял к лодке.

Михаил подхватил рюкзаки.

– У вас тут машину оставлять... не опасно?

– А чево ей сделается... Оставляй. Вона, все оставляют, – старик на ходу показал на площадку у причала.

– Эй, вперёдсмотрящий! – крикнул Михаил сыну. – За тобой палатка и удочки.

Санёк стал спускаться с мачты.

Старик подбежал к лодке, подобрал якорь, цепь, с грохотом сложил на носу.

Санёк спустился быстро, по-обезьяньи, закинул на плечи палатку. Альбина взяла удочки, и они последовали за мужчинами.

Неожиданно Харитон сорвался с места, припустил к мосткам.

– Эй! Господа дикари! Тут, на мостках... человек сидел... Бориска... видали?

– Видели, – ответил Михаил. – Сидел.

– А куда подевался?

– Ушёл, наверное.

– Ушёл? – переспросил Харитон в сомнении.

– Аля, ты видела мужика... на мостках?

– Какого мужика... Никого я не видела.

– Ушёл он, ушёл, – успокоил Михаил старика.

– Тогда загружайтесь. А я... сей момент...

Пока старик обследовал мостки, Михаил снял ботинки, носки, положил носки в ботинки, подобрал брюки, ботинки поставил на сиденье в лодку. Альбина в это время критически осматривала смолёную посудину.

– И вот на этом... поплывём?

– А что тебе не нравится?

– Она не потонет?

– Почему она должна потонуть?

– Там вода...

– В лодке всегда вода.

Михаил легко подхватил жену на руки и посадил в лодку, на боковую лавку. Затем закинул походное барахлишко.

К возвращению Харитона и Санёк взобрался на лодку.

– Всё в порядке? – спросил Михаил у старика.

– Да кто его знает...

– Вас как зовут?

– Харитоном кличут.

– А...

– По батюшке Петрович.

– Замечательно.

Михаил протянул руку.

– А я Михаил.

- Ага. Михаил...
- Просто Михаил.
- Ну-ну...

Старик пожал руку.

- А это моя жена Альбина и сын Александр. Вы залезайте в лодку, Петрович. А я столкну.
- Ага... – Харитон долго застегивал телогрейку, не сводя глаз с Михаила.
- Что-то не так? – спросил Михаил.
- А чево могёт быть не так... Всё так.

Наконец, старик залез в лодку, пробрался к движку.

Откуда-то издалека ветер принёс колокольный звон. Михаил замер.

- Что это? – спросил он у старика.
- Чево? – старик прислушался. – А! Монастырские звонят. Праздник нынче: Троица. Завтра Духов день, «русальная неделя», стало быть... Берегись утопленников – зашикотят, – старик усмехнулся и, подмигнув, обратился к Саньку: – Шикотки боисся?
- Да нет... не очень, – ответил Санёк.
- А что за монастырь? – поинтересовался Михаил.
- Мужской монастырь. А как называется... не упомяну. Я в этом не разбираюсь.
- А далеко отсюда? – не отставал Михаил.
- А для кого как. Кому надоть – близко, а кому поперек – далеко. За горой, отседа не видать. Старики говорили, будто до него с островов можно дойти.
- Как это?
- Миш, ну что ты пристал к человеку! Поехали уже!
- Погоди, Аль!

Харитон помолчал, откинул крышку моторного отсека.

– А будто под водой дорога имеется. Кому шибко надоть, она, стало быть, всплывает в нужную пору. Да то враки всё. Выдумки стариковские. А можа, и правда. Я не ходил. Мне без надобности.

Михаил столкнул лодку на воду и ловко запрыгнул на нос. Харитон зацепил пусковой ремень, дёрнул. Движок схватился сразу. Старик устроился на корме, у рулевого рычага и повёл лодку от берега.

- Дамочку не продуит? А то у меня одеялка в рундуке... если что...
 - Аля, ты как?
 - Нет-нет! Не надо.
- Михаил дал старику отмашку: – Порядок!

Харитон закрыл крышку моторного отсека. Шум от мотора убавился.

- Вам куда надоть?

Михаил прошёлся взглядом по островам.

– Давайте вон на тот остров... Второй справа. Там вроде песочек...

– Ага, пясочек, – согласился старик и направил лодку к указанному острову. – Все туда норовят... Мы его сбоку обойдём, тута тина одна.

– Там как... тихо?

– Как в гробу, – пошутил Харитон без улыбки. – Нынче тихо. А лет десять-пятнадцать...

– Что?

– Всяко бывало... Ваши донимали, городские... Наших тожа пощёргивали с мест... на лёгкие хлеба соблазнили... дурью маялись, прости Господи!..

– Хулиганили?

– Ну, ты понимаешь!.. У нас хорошо. Вольготно. Отдыхнёте на славу. Оно, конечно, ввечеру гвалту бывает многовато... Надерутся, песни орут... А то и фюерверки запускают... А так тихо...

Из протоки выскочил глиссер. Перед самым носом Харитоновой лодки развернулся и полетел обратно. Старик быстро вывернул руль поперёк волне.

– Вона чево вытворяют... дуrolомы! – пожаловался старик. – Шуму от их по всей реке...

– Ничего. Найдём местечко.

– Найдёте... – старик быстро глянул на солнце из-под руки. – С утра ничево... А как раскочегарит, держись. Только вода и спасает...

Ровно стучал мотор. С реки дул ветер. Лодка, уверенно разрезала волну.

Альбина сидела боком к движению, тело напряжено, руки вцепились в скамью.

По центру, лицом к ветру устроился Михаил, рядом Санёк. Михаил настроенный благодушно, обнял сына за плечи, смотрел на жену и улыбался.

– Расслабься, Аль!

Альбина, прикрыв глаза, улыбнулась в ответ и перевела взгляд на воду.

– Я видел... – неожиданно обратился к хозяину лодки Санёк.

– Чево? – Харитон поднёс ладонь к уху.

– Кто с вами сидел... там... я видел... – Санёк показал на мостки. Харитон приподнялся.

– Ну?

– Он упал...

Харитон бросил руль, вскочил, лодку качнуло. Альбина охнула.

– В реку? – хрипло выкрикнул Харитон.

Санёк кивнул.

Старик, не сбавляя оборотов, резко развернул лодку к берегу, так что она едва не перевернулась, черпанув бортом.

Альбина вцепилась двумя руками в перекладину, закричала:

– Он что, сумасшедший?!

Санька кинуло к отцу.

- Санёк, почему ты раньше не сказал?
- Я думал, он поплавать... И ты сам говорил, что он ушёл.
- Кто ж знал...

Лодка на полном ходу врезалась в берег, Харитон заглушил мотор, по-молодому сиганул в воду и что есть мочи поскакал к мосткам. Михаил – за ним.

Утопленник

На краю мостков сложена одежда Михаила.
Харитон и Санёк стоят тут же, склонившись к воде.
Михаил выныривает, отплеывается.

- Ну что? – старик нетерпеливо тряс руками.
 - Нет... ничего... – Михаил ухватился за мостки. – Может, тебе показалось, Санёк?
 - Ничего не показалось! Он качался, качался и упал... вот так...
- Санёк показал.

Михаил снова нырнул.
Харитон жадно следил за движением воды, невольно водя руками по воздуху.
Михаил вынырнул чуть подальше, помотал головой.

- Пусто! А дальше... глубоко...
- Течением отнесло... течением... вот ведь... – причитал Харитон. – Тута водокрут орудоваит... Вот ведь... Утоп всё-таки... паскудник...
- Что будем делать? – Михаил, отфыркиваясь, снова ухватился за мостки.
- А чего тут поделаишь... Всё сделато...

Старик согнулся, опёрся о коленки, рассудил по-деловому: – Коли в реку не унесёт, всплывёт... денька через три...

Михаил вылез из воды.

Альбина зашла на мостки с полотенцем: – Ну что?

- Ничего... хорошего.
- А говорил, плавать не умеешь.
- А я и не плавал, нырял у мостков. Далеко – не умею. Так, возле берега...
- На, оботрись, – подала мужу полотенце.

Харитон похлопал себя по карманам.

- Эх, щас бы хлебушка кирпич! А в него ртути законопатить... да в воду. Да где ртути взять...
- Это зачем? – спросил Михаил, обтираясь.
- А он и притянется, место укажет. Дед учил... Или с ружа пальнуть... Да ружа тожа не имеется...

- А из ружья зачем?
- Тогда враз всплывёт. Пузырь у его лопнет и всплывёт, а как же...
- Он что, блажной? С чего... надумал?

Старик пожевал губами.

– И ведь не впервой... Спасали уже... Тогда только лоб раскроил... На якорь напоролси... Еле откачали... Кожу ниткой срастили... А теперь вот... обхитрил, выходит... на своём настоял...

- Как вода? – спросила Альбина у мужа.
- Мокрая, – усмехнулся Михаил.
- Может, в другое место поедем?
- Почему?
- Ну, а этот... – Альбина неопределённо кивнула на воду.
- А чего он нам... Мы на острова.
- Как знаешь. Пойдём, Саня.

Альбина взяла сына за руку, и они сошли на берег. Михаил натянул брюки, рубашку.

– Пойду к участковому... заявлю... – сказал Харитон. – А потом уж и вас перевяжут, коли дождётесь...

Старик сплюнул с досады и, сторбившись, поплёлся в горку, то и дело оглядываясь на реку.

Остров

Моторка в «дикарями» на борту направляется к острову.

Недалеко от острова мотор стал чихать и заглох. Харитон чертыхнулся, откинул крышку моторного отсека, стал заводить – не заводится.

Михаил поднялся, взял вёсла, вставил в уключины.

– А ну-ка, Санёк, садись. Будешь рабом на галере.

Санёк с готовностью взялся за вёсла, стал грести.

– Ну что там? – спросил Михаил старика.
– Да вот кумекаю... в чём загвоздка... – старик склонился над мотором. – Всё фурычит навроде...

– А может, бензин кончился? – предположил Михаил.

Харитон сунулся проверить.

– Тьфу! Едрёна канитель! – старик черкнул рукой по седой шевелюре. – А канистру дома оставил, балда! Тогда я вас тут, с этой стороны острова высажу... Согласные?

– Пойдёт! – ответил Михаил.

– А уж вы сами, по леску, выберетесь на тот край, к основному руслу. Тут трава да тина, а тама простор, пясочек... И уж денег с вас не возьму тогда... раз тако дело...

– Нет проблем, отец.

Михаил достал кошелёк, отогнул две сотни и вручил старику.

– Годится?

– Годится! – ухмыльнулся старик, принимая деньги.

– Давай, Санёк! Жми к берегу. Лево руля! – командовал Михаил.

Ближе к берегу сплошной скатертью пошла ряска. Вёсла то и дело цеплялись за траву, и они нагружались мокрой мохнатой зеленью. Санёк совсем выбился из сил.

– Левым, левым гребь! – командовал Михаил.

– Ну, пап, я не могу больше...

Лодка была тяжёлая, и Санёк с трудом управлялся с вёслами.

– Ладно, отдыхай.

Михаил сел за вёсла, а Санёк стал рассматривать ряску, заглядывал в тёмные окна воды, проделанные вёслами, где причудливо шевелились многочисленные водоросли.

– А здесь он может всплыть? – вдруг спросил Санёк у старика.

– Кто? Бориска-то? Может. Он такой.

Санёк убрал руку с борта и сдвинулся от края лодки к центру. Старик рассмеялся беззубо.

– Нет, тута не всплывёт. Травы больно много. Запутается.

Вскоре по бортам прошелестела прибрежная осока, и лодка ткнулась в земляную колдобину.

Михаил составил вещи на нос и выпрыгнул на твёрдую почву. За ним лодку покинул Санёк с удочками наперевес. Потом Альбина. Михаил сгрузил вещи, столкнул лодку, и Старик, на вёслах, отправился обратно.

К основному руслу вышли скоро – островок был длинный, но неширокий. Несмотря на жару, с реки дул ветер, и по тёмной воде гуляли белые барашки.

Над водой с криком носились чайки – верный признак присутствия рыб.

По основному фарватеру плыл большой теплоход. На берегу повсюду лежали, ходили, сидели, купались отдыхающие.

Но вот Санёк, забежавший вперёд, подал голос, видимо, нашёл подходящее место.

– Идите сюда!

Через час на уютном пятачке в конце острова, между деревьями, стояла палатка, рядом было устроено кострище, возле которого лежала большая охапка валежника из лесочка.

Для начала пили чай из термоса с бутербродами.

– Ну что, тебе нравится здесь? – спросила Альбина у мужа.

– Вполне. Вон она река. Песочек. И никого не видно.

– И нас не видно! – вставил Санёк, допивая свой чай.

- Естественно. Какие планы, Санёк?
- Я хочу на рыбалку. Можно твой спиннинг?
- А ты умеешь им пользоваться?
- Нет.
- Пойдём, покажу.

Михаил поднялся.

- Как ты себя чувствуешь, Миша? – спросила Альбина осторожно.
- Да нормально. А что?
- Ничего. Просто спросила.

Михаил и Санёк отправились на рыбалку, а Альбина, переодевшись для загорания, оку- нулась разок и улеглась на солнышке неподалёку от палатки.

Ночная русалка

Тот же остров, то же место, только пятнадцать лет назад.
Вечер. В небе полная луна. Ярко горит костёр.

У костра сидят Михаил – ему всего двадцать пять,
Артём – он чуть постарше,
худощавый мужик с бритой головой по прозвищу Череп – ему около тридцати,
Совок – крепкий детина с плотной шеей и широким бритым затылком,
и Рита – весёлая и смазливая, с длинными распущенными волосами, деревенская
девушка лет восемнадцати.

На брезентовой подстилке водка, «шампанское», шашлыки и прочая закуска. Веселье
в разгаре. Несмотря на тёмное время суток, воздух горяч, и все по пояс голы. На Рите тоже
только короткая юбка да простой лифчик. Она изредка икает и тут же смеётся над этим,
поправляя бретельку лифчика, который постоянно спадает, приоткрывая белую девичью грудь.

- Да сними ты его! Взопреешь! – смеётся Совок.
- И правда, Рит, – поддерживает Совка Череп, в руках у которого вдруг оказалась гитара. – Долой оковы одежды! Мораль для невежды! Сексуальная революция вышла на улицы! Обнажайтесь деревни и города! Свобода, девки и господа!

Все смеются. Рита пьяно и конфузливо улыбается, стыдливо прикрывая грудь.

- А! – говорит она, жеманно отмахиваясь. – Мы так не договаривались.
- А как мы договаривались? – спрашивает Совок.
- А никак! Я вас перевезла и... мне домой надо...

Совок наливает в стакан «шампанского», подаёт девушке.

- Молодец, Ритуля! За это надо выпить. Прими.
- Ой... я уже пьяненькая... – Рита взяла стакан. – И тёмно... не доплыву...
- А никуда плыть не надо, – говорит Совок. – Утром вместе поплывём. Ведь ты нас обратно доставишь? Десять баксов плачу! Или тебя кто-то ждёт?

- Да... Нет... Перевезу... Мать в город уехала, к сестре. А папаня... выпил и спит, наверное... И я хочу в город... – говорит Рита мечтательно.
- Зачем тебе в город, Рита? – спрашивает Артём.
- А! Надоело здесь... денег нет... и познакомиться не с кем...
- И что ты будешь делать в городе?
- Ну... работать...
- Где?
- А куда возьмут. Могу продавщицей. Могу нянькой. Лишь бы деньги платили.
- Ну что, Ритуля, пей, – говорит Совок.
- А вы?
- А мы никогда не отказываемся! – говорит Совок. – А, Артём?

Артём протягивает стакан.

- Наливай!

Совок наливает всем по полстакана водяры, подымает свой стакан.

- За тебя, Рита! Ты клёвая деваха. Балдёжная... я тащусь! – вывел Совок, и глаза его покрылись масляной плёнкой.
- Ой, ну что вы! Обыкновенная...
- Не, в том и кайф – необыкновенная! С изюминкой. Я б ты сходу замуж взял... то есть, женился! Да вот вакансий нет.

Общий гогот. Девушка смутилась.

- А вы на гитаре умеете? Спойте... – говорит она Черепу. – Не знаю, как вас...
- Череп он, – подсказывает Совок.
- Как это? – недоумевает Рита.
- А так. Кликуха. Череп, Череп, где ты был, я могилку сторожил!
- Черепанов я, Григорий! – пробасил Череп и ударил по струнам.
- А вы не пьёте? – спросила Рита у Михаила.
- Я как все, – Михаил взял стакан.
- У вас лицо, как у киноартиста. Я бы смогла в вас влюбиться, – говорит Рита Михаилу с улыбкой.
- Он у нас и есть артист, – подтверждает Артём. – Театральный закончил. И свободен.
- Ой, правда? – Рита придвигается к Михаилу и смотрит на него с восхищением.
- Правда, – отвечает Михаил. – Только всё это... в прошлом.
- Какая радость для меня! Я бы тоже в артистки пошла... Я петь могу, танцевать! Девочки говорили, у вас там театральный есть...
- Есть.
- Вы мне поможете?
- Он поможет! – сказал за Михаила Совок. – Он всё теперь может. У него голова. Потому и деньги.
- Конечно, помогу. У меня знакомые там... Выпьем за нашу даму! – провозглашает Михаил.
- За мадаму! – пьяно поддерживает Совок.

Все разом со звоном сдвигают стаканы, пьют.

– А ты чего сидишь, бард в законе! – Совок толкает Черепа под бок, гогочет. – А ну, изобрази что-нибудь покудрявей!

– Пэсня! – провозглашает Череп и запекает хрипловато известный хит Розенбаума.

Гоп-стоп мы подошли из-за угла
Гоп-стоп ты много на себя взяла
Теперь расплачиваться поздно
Посмотри на звёзды
Посмотри на это небо взглядом влядь тверёзым
Посмотри на это море
Видишь это всё в последний раз...

Все подхватывают и голосят нестройно, но громко.

Хмель вдруг ударил Рите в голову, она неожиданно вскакивает.

– А можно я станцюю?

– Покажи класс, Ритуля! – кричит Совок. – Покажи нам!

Возбуждённая выпивкой и ещё чем-то, сугубо личным, Рита вдруг начинает двигаться удивительно музыкально и пластично. Череп наяривает, с остервенением бьёт по струнам.

Гоп-стоп ты отказала в ласке мне
Гоп-стоп ты так любила звон монет
Ты шубки беличьи носила, кожи крокодила
Всё полковникам стелила, ноги на ночь мыла
Мир блатной совсем забыла
И перо за это получай...

– Ритуля! А сбцай стриптизончик! – кричит Совок. – Сбцай! Все свои! Плачу баксами!

Совок достаёт из кармана несколько зелёных бумажек.

– А чо, могу!

Рита ловким, то ли где-то подсмотренным, то ли рождённым изнутри, поразительно женственным жестом срывает с себя лифчик, обнажив неожиданно красивую грудь, и продолжает ритмически двигаться в такт мужского одобрения, раскрепощённо работая всеми частями тела...

Все на мгновение вошли в ступор... и снова гремит всеобщее: «Гоп-стоп!...»

Гоп-стоп у нас пощады не проси
Гоп-стоп и на луну не голоси
А лучше вспомни ту малину
Васькину картину, где он нас с тобой прикинул
Точно на витрину, в общем не тяни резину
Я прощаю всё, кончай её Семэн...

Михаил, поражённый вдруг явившимся ему ночью на острове ПРЕОБРАЖЕНИЕМ, в восторге размахивает руками, тут же вытаскивает из кармана оставшиеся деньги и также бросает под ноги танцующей русалке.

Артём присоединяется к расчувствовавшимся дарителям купюр...

– Гоп-стоп!..

Свист одобрения, аплодисменты.

И вот уже Рита, забывшись в пьяном угаре, осыпаемая валютным дождём, сбрасывает с себя последнее и танцует совершенно голая, азартно и непринуждённо двигая телом. Играя тазом, руками и плечами, она идёт на Михаила, тянется к нему, всё ближе, ближе и сливается с ним...

Утро

Михаил просыпается, резко вскинув руки, и сидит какое-то время неподвижно.

Рядом никого нет.

Полог палатки поднят и через треугольный проём виден залитый солнцем берег.

Идиллическая картинка, как в театре:

вдалеке, издав утробный гудок, проплывает теплоход... по песку у самой кромки воды, катится большой разноцветный мяч, за ним бежит голый трёхгодовалый малыш, за ребёнком семенит мама в купальнике, за мамой – папа в плавках, за папой – собака с красным бантом на шее.

Проплывает моторная лодка. Её обгоняет маленький глиссер со вздёрнутым носом.

Опять мяч – катится в обратную сторону. За ним первой бежит собака, за собакой – малыш, за малышом – мама с обнимку с папой...

Проплыла ещё одна моторная лодка. Приглушённым фоном слышатся возгласы купающихся.

Михаил выбирается из палатки. Идёт к деревьям, осматривает каждый куст, по нескольку раз приходит к одному и тому же месту, будто примериваясь, словно ищет чего-то.

Альбина в лесочке, у протоки, разговаривает по телефону.

– Да, это я, Тёма... Он опять чудит. Опять эти кошмары... Я спать не могу. Давай, приезжай, сделай что-нибудь!.. Не знаю, что... Меня он не слушает, а тебя... и потом вы там вместе были тогда... Вот и расхлёбывайте вместе!.. Где мы? На острове... тут ещё деревня на берегу с причалом... и дачи! Что, что?.. Тёма, ты нахал! Когда тебе от меня нужно, а всегда твоя, а ты... Что ладно? Приедешь?.. Как можно скорей! Эту ночь уж как-нибудь... Давай, жду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.